УДК 327;341

И. А. КУЗНЕЦОВА

ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Усиление террористической активности во многих регионах мира сопровождается нарушением прав человека в целях обеспечения государствами безопасности своих граждан. В данной статье исследуются основные нарушения прав человека в контексте антитеррористических акций, которые связаны с широким толкованием терроризма, подрывом абсолютного запрета пыток, экстрадицией в страну с возможностью быть подверженным насилию, незаконным задержанием, отсутствием ясного судебного разбирательства. В результате выявлено, что для «сведения мостов» между национальной безопасностью и правами человека государствам в своей деятельности необходимо руководствоваться принципом верховенства закона, не нарушать право на жизнь, абсолютный запрет пыток и рабства даже в ситуации «войны» с террором. Международные надзорные механизмы должны использовать все легальные средства для защиты прав человека. Национальная безопасность и защита прав человека имеют общую цель достижения стабильности в мире.

Ключевые слова: права человека; терроризм; нарушение прав человека; национальная безопасность; пытка; незаконное задержание; судебное разбирательство; «война» против террора; надзорные механизмы.

The propulsion of the terrorists activities in many regions of the world succeeded by human rights violations in states to ensure security of its citizens. In this article the main types of human rights violations in the context of the antiterrorists acts include the broad definition of terrorism, derogation the absolute prohibition of tortures, extradition to the country where exists the possibility to be ill-treated, unlawful detention, lack of fair trials are explored. As the results revealed that to assess the «bridge» between security and human rights states must comply with the rule of law, in any conditions do not derogate from right of life, freedom from tortures, freedom from slavery even in situation of «war» against terrorism. International oversights mechanisms could exercise all legal efforts for preservation of human rights. The rule of law must be the «bridge» between national security and human rights to assess the stability in the world.

Key words: human rights; terrorism; human rights violation; national security; torture; unlawful detention; trial; «war» against terror; oversight mechanisms.

С расширением демократии проблема защиты прав человека стала основным пунктом международной политики. Этот процесс начал активно развиваться после Второй мировой войны и был связан с принятием Международного билля о правах человека, международного закрепления гуманитарного права, регулирующего защиту прав человека во время военных конфликтов, а также с созданием международных правительственных и неправительственных правозащитных организаций. В данной связи большинство государств мира взяли за основу своей национальной политики следование общепризнанным на мировом уровне нормам. Таким образом, принцип «господства права» и создание механизма обеспечения прав и свобод человека были положены в фундамент построения национальных законодательств.

Однако в свете событий современной истории, связанных с террористическими атаками 11 сентября 2001 г. в США, Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1373, обязывающую государства предпринять «совместные усилия с целью предотвращения и пресечения террористических актов на своей территории… признавая необходимость того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры… с использованием всех законных средств»[1]. Данная резолюция и последовавшие за ней другие резолюции Совета Безопасности ООН положили начало широкомасштабным действиям по борьбе с терроризмом и принятием национальных законов, ужесточающих пограничный контроль, перемещение людских и транспортных потоков, но, поскольку в ней не содержалось четкого определения терроризма, в своей «войне против террора» государства стали пренебрегать правами человека в угоду национальной безопасности. Для содействия проведению мер по борьбе с терроризмом был образован Антитеррористический комитет (Counter-Terrorism Committee – CTC), целью деятельности которого было осуществление точечных санкций против экстремистских групп и выявление случаев финансирования и подготовки террористических акций. В данных обстоятельствах концепция незыблемости прав человека, а также таких демократических ценностей, как плюрализм, свобода и уважение мнений других лиц и групп, свобода ассоциаций, недопущение дискриминации, оказалась под угрозой.

В настоящей статье автор ставит своей целью определить приоритеты и найти соотношение между национальной безопасностью и правами человека, а также выявить основные виды нарушений прав человека в свете антитеррористических операций.

Эволюция прав человека претерпела существенные изменения, начиная с философских дискуссий до их международного закрепления и признания. Являясь довольно абстрактным и многогранным понятием, концепция прав человека наполнялась в ходе истории различным смыслом. Современным вызовом, брошенным правам человека, является возможность их дерогаций под угрозой терроризма. Международные органы, в частности Совет Безопасности ООН, национальные правительства, в целом пренебрегают защитой прав человека в контексте антитеррористических акций. Понятие «терроризм» все больше и больше используется как ширма, оправдывающая ограничение личной неприкосновенности, вмешательство в личную жизнь посредством обысков и слежения и даже «ограничения свободы выражения мнений»[2]. Вместе с тем возникает и обеспокоенность по поводу явного несоответствия между декларацией прав человека и их реальным состоянием. В данной связи ряд международных правозащитных организаций во главе с Международной амнистией (Amnesty International) провели расследование по выявлению серии нарушений прав человека в контексте антитеррористических действий и призвали Генеральную Ассамблею ООН поставить надлежащее использование прав человека «топовым пунктом»[3] ее стратегии.

На сегодня ключевой проблемой является широкое толкование терроризма, что дает возможность национальным правительствам злоупотреблять данным понятием, произвольно устанавливая границы «обеспечения национальной безопасности». Так, Соединенное Королевство в п. 6.11–6.13 Анкеты для получения визы толкует терроризм и террористические действия следующим образом: «Действия или угроза действий… рассчитанные на оказание давления на правительство или международную правительственную организацию, или запугивание населения или определенной части населения с целью реализации политических, религиозных или идеологических устремлений с применением серьезного насилия к людям, нанесением серьезного повреждения имуществу, созданием угрозы для жизни человека, серьезного риска для здоровья или безопасности общества, или с целью серьезного вмешательства или нарушения работы электронной системы»[4]. Далее поясняется, что если данные действия или угроза действий осуществлялись с применением оружия или взрывчатых веществ, то это подходит под определение терроризма. Отсутствие четкой дефиниции терроризма в международном праве ведет к серьезным нарушениям прав человека, ведь под обвинение в терроризме могут подпадать лица, не только замеченные в подготовке террористических акций, но и подозреваемые в этом. Более того, в ситуации военных конфликтов принцип «верховенства права» существенно подрывается образованием специальных судов над предполагаемыми террористами. Еще одна проблема заключается в двусмысленном отношении к лицам, рассматриваемым в качестве террористов. Так, некоторые сепаратистские организации могут восприниматься как борцы за свободу и независимость, а их действия, связанные с применением насилия, оправдываться во имя великих целей. В данном контексте в рамках международного права необходимо закрепить принцип недопущения любых действий, связанных с применением насилия, даже для достижения самых справедливых целей. Венская декларация и Программа действий определяют акты, методы и практику терроризма как деятельность, «которая направлена на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии, создает угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизирует законные правительства»[5].

Наиболее значительным ударом, пошатнувшим саму идею международной охраны прав человека, стало нарушение гуманитарного закона, связанного с абсолютным запретом пыток и других форм насилия. Согласно ст. 1 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания под пыткой понимается «любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица… с целью получения от него… признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается»[6]. Одним из первых достижений международного закрепления прав человека было признание права на свободу от пыток и других истязаний даже во время военных конфликтов. Начиная с Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. и Женевских конвенций 1864 и 1949 гг., Конвенции ООН против пыток 1984 г. нормы гуманитарного закона, запрещающие пытки, признаются jus cogens, или безапелляционными.

Таким образом, пытки, а также приравниваемые к ним другие действия, причиняющие физическое или моральное страдание человеку, не могут быть оправданы никакими обстоятельствами, будь то война или угроза войны, поскольку являются преступлениями против человечества. Однако в условиях развернувшейся «войны с террором» государства стали пренебрегать данной нормой, используя в суде доказательства, полученные под давлением. Появились новые изощренные виды пыток, такие как стресс, изоляция, лишение чувствительности, «симуляция утопления». Данные истязания сложно доказуемы, поскольку не оставляют видимых следов физического насилия, однако они причиняют не менее сильное страдание лицу, подвергающемуся пытке. Доказательства, добытые в результате пыток, формально не имеют юридической силы, однако на практике судебные органы принимают их во внимание, особенно в случаях, когда нет уверенности, что они были получены посредством пыток. С другой стороны, если дело касается угрозы национальной безопасности, то любая информация используется властными органами для предотвращения возможных террористических атак, несмотря на то что правосудием она отвергается. «Хотя запрет пыток и остается краеугольным камнем системы прав человека, кажется, нам необходимо пройти еще большой путь, пока каждый человек избавится от сомнений, что в некоторые моменты для некоторых людей право не подвергнуться пытке должно уступить место праву других людей быть защищенными от будущего беспорядка»[7].

Особенно двусмысленной и подвергающейся большому количеству нареканий со стороны правозащитных организаций представляется ситуация, когда государства «предпочитают» выдавать лиц, которым грозит серьезная опасность в своей стране или возможность быть подвергнутыми пыткам. Несмотря на то что права данных лиц на получение убежища детально регламентируются Женевской конвенцией о беженцах 1951 г. и рядом других международных документов, правительства многих государств склонны их экстрадировать на родину, опираясь на всевозможные «дипломатические договоренности». С одной стороны, подобные действия объясняются тем, что огромный поток беженцев существенно подрывает не только экономическую ситуацию в принимающей стране, но может вызвать беспорядки и нарушить спокойствие коренного населения. С другой стороны, очевидно нарушение международного права, что лишний раз подтверждает приоритет национальной безопасности над правами человека.

Вопиющим нарушением прав человека являются участившиеся в свете антитеррористических операций случаи незаконного задержания и ареста, а также перемещения в другую страну. Общеизвестно и нормативно установлено, что любой задержанный по каким-либо причинам имеет право знать основание своего задержания, имеет право на адвоката, чтобы члены его семьи знали о месте его пребывания, допрашиваться в соответствии с законом, а также не быть перемещенным под юрисдикцию другого государства, где данное лицо может быть подвергнуто пыткам. Однако широкое толкование терроризма ведет к тому, что под подозрение и задержание могут подойти лица, абсолютно непричастные к вменяемым им действиям. Проблема заключается также в том, что в международном праве в настоящее время нет ясного определения понятия «законное задержание», хотя очевидно, что задержание или арест являются законными только по постановлению суда либо иного компетентного органа. В данной связи основанием для задержания часто выступают национальные антитеррористические законы, которые трактуются в пользу безопасности страны и в ущерб правам человека. В то же время компетентные органы должны пропорционально соизмерять угрозу национальной безопасности и злоупотребления правами человека. В контексте защиты от возможных террористических действий возможно задержание для выяснения обстоятельств или на определенное время, однако никто не должен быть задержан и арестован без судебного разбирательства лишь по подозрению в «нанесении возможного вреда» безопасности того или иного государства.

Обеспокоенность международной общественности повсеместным нарушением прав человека привела к принятию Генеральной Ассамблеей ООН Глобальной контртеррористической стратегии, где фиксировалось, что соблюдение прав человека не препятствует национальной безопасности, а напротив, является фундаментальной основой в борьбе с терроризмом. В стратегии подчеркивалась необходимость координации усилий государств в борьбе с терроризмом, указывалось, что терроризм как явление не несет в себе никаких религиозных, этнических, национальных либо цивилизационных интересов. Тем самым терроризм идентифицировался как сугубо насильственный акт, не подлежащий оправданию, а лицам, замеченным в террористических действиях, не может быть представлено политическое убежище на территории других государств и они подлежат уголовному суду. В то же время прозвучал призыв к институтам гражданского общества, региональным и субрегиональным организациям согласовать свои усилия для предотвращения террористических атак. В данных обстоятельствах на первый план в борьбе с терроризмом выступает овладение искусством «сведения мостов» между правами человека и национальной безопасностью как в международном масштабе, так и на уровне отдельных государств. Для достижения данной согласованности государства, международные организации и структуры должны соблюдать ряд принципов, основанных на идее господства права и верховенстве закона.

К числу данных принципов необходимо отнести:

1) ни при каких обстоятельствах не могут быть нарушены право на жизнь, свобода мнений и совести, свобода от обратной силы уголовного закона, абсолютный запрет пыток и иных бесчеловечных или унижающих достоинство действий, запрет рабства и других видов дискриминации даже в ситуациях крайней общественной напряженности, таких как «война с террором»;

2) правительства государств должны всеми возможными демократическими методами содействовать укреплению принципа господства права, а также создать надежный механизм защиты прав человека, основанный на соблюдении общепризнанных принципов международного права и обеспеченный национальным законодательством;

3) международным правительственным и неправительственным организациям, среди которых особое место отводится Совету Безопасности ООН, Совету по правам человека ООН, Международной амнистии, а также Международному уголовному суду и другим надзорным органам необходимо всячески способствовать защите прав человека, для этого они должны постоянно следить за состоянием прав человека в мире, проводить исследования и публиковать доклады для принятия необходимых международных документов. Именно на глобальном уровне должны быть поставлены высокие стандарты защиты прав человека.

Таким образом, расстановка приоритетов между защитой прав человека и национальной безопасностью невозможна по определению, поскольку как в фундаменте прав человека, так и в основе национальной безопасности положен принцип господства права и именно он является объединяющим началом защиты прав человека и соблюдения безопасности. Национальная безопасность и права человека имеют общий интерес, направленный на уважение достоинств личности и сохранение спокойствия социума, основанный на абсолютном господстве права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] Резолюция № 1373, принятая Советом Безопасности ООН на его 4385 заседании 28 сент. 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civilg8.ru/6393.php (дата обращения: 13.02.2014).

[2] Смит Рона К. М. Международная защита прав человека. Минск, 2013. С. 391.

[3] См.: Security and human rights. Counter-terrorism and the United Nations. Amnesty International Publications [Electronic resource]. 2008. URL: http://www.amnesty.org/en/library/asset/IOR40/019/2008/en/7c2b7a4d-7a71-11dd-8e5e-43ea85d15a69/ior400192008en.pdf (date of access: 13.02.2014).

[4] Анкета для получения визы. Руководство по заполнению [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/278291/russian-vaf1a-1k-guidance.pdf (дата обращения: 13.02.2014).
[5] Viale C. Lexicon of Human Rights. Мінск, 2013. С. 9.
[6] Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:www.un.org/ru/declarations/torture.shtml (дата обращения: 03.03.2014).
[7] Клэпгэм Эндру. Правы чалавека. Вельмі кароткія ўводзіны : пер. з англ. Мінск, 2013. С. 92.

Поступила в редакцию 18.03.2014.

Инна Александровна Кузнецова – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии.

УДК 343.1+343.9

Ю. К. ЯКИМОВИЧ (РОССИЯ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Обосновывается значимость и ценность использования специальных знаний в криминалистике и уголовном судопроизводстве, а также применения научных достижений в раскрытии и расследовании преступлений. Проводится разграничение возможности участия лиц, обладающих специальными знаниями, в качестве специалиста или эксперта. Выявляются различия между характером деятельности и заключением эксперта и специалиста, а также невозможность совмещения их функций в одном лице. Рассматривается законодательная возможность назначения экспертизы не только в суде, но и в стадии возбуждения уголовного дела. Обосновывается использование для назначения судебных экспертиз знаний научного характера, общепризнанных и с разработанной научно обоснованной и доступной для применения методикой производства данного вида экспертиз; а также разграничение использования специальных знаний при самостоятельном исследовании эксперта и при работе с приборами, например полиграфом. Рассматривается допустимость отдельных видов экспертиз, например психофизиологических.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; судебная экспертиза; источники доказательств; заключение эксперта; криминалистические исследования; полиграф.

The article explains the importance and value of using expert evidence in criminalistics and criminal proceeding, as well as the application of scientific knowledge in investigation of crimes. The author disintegrates the powers of specialist and expert. He exposes the difference of their activities, conclusions, made by specialist and expert, impossibility of accomplishing of different functions by one person. The author considers the possibility of applying expert evidence not only in court, but alsoat the stage of the initiation the criminal case. He proves the use of special scientific knowledge and procedure of the expert evidence for applying it, difference of special knowledge during independent research of expert and during his work with devices, for instance polygraph detector. It is considered to apply some types of expert evidence, for instance, psycho-physiological expert evidence.

Key words: criminal procedure law; forensic expertise; sources of evidence; expert evidence; forensic research; polygraph.

Специальные знания достаточно широко использовались и используются в различных сферах юридической деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве[1]. Более того, после появления судебной фотографии и дактилоскопии некоторое время даже считалось, что свидетели вскоре вовсе будут не нужны: их заменят так называемые «немые свидетели».

Конечно, подобные утверждения оказались не совсем обоснованными, ведь показания свидетелей составляют все еще более 50 % от общего числа используемых в уголовном судопроизводстве источников доказательств. Вместе с тем бурное развитие науки позволяет все чаще и чаще использовать научные достижения в раскрытии и расследовании преступлений. Вряд ли представляется возможным перечислить или даже подсчитать виды криминалистических (в широком смысле слова) экспертиз, используемых в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и судов. С каждым годом их появляется все больше. Задача криминалиста-юриста в том и заключается, чтобы вовремя обнаруживать новые направления научных исследований и вовлекать их в правоохранительную деятельность, облекая в форму новых судебных экспертиз. Именно в этой связи несколько десятилетий тому назад в прокуратуре была учреждена должность прокурора-криминалиста, а сейчас в Следственном комитете РФ – должность следователя-криминалиста. Следователь-криминалист (юрист по образованию) не должен подменять собой специалиста и тем более выступать в роли эксперта. Его задачей, как и ранее задачей прокурора-криминалиста, является разработка и внедрение в практику новых видов экспертиз на основе достижений специальных научных отраслей знаний. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве не остаются неизменными, появляются новые.

О возможности и допустимости применения научных достижений в уголовном судопроизводстве ведутся извечные споры между криминалистами и процессуалистами. Процессуалисты более консервативны и не допускают, хотя и не всегда им это удается, закрепления в уголовно-процессуальном законе некоторых недостаточно обоснованных идей криминалистов. К слову, не на пользу общему делу идет все больше растущая «пропасть» между учеными криминалистами и процессуалистами: первые «забывают» уголовный процесс, а вторые вовсе не знают криминалистики. Вряд ли в этом аспекте можно признать удачным решение о разделении ученых советов по защите диссертаций криминалистических и уголовно-процессуальных.